

Г. А. НЕКРАСОВА (г. Тарту)

АЛЛАТИВ МЕСТА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Показатель аллатива в пермских языках отличается лишь вокалической огласовкой к., удм. *-лы*, кп. *-лӧ*. Во всех языках он функционирует как многозначный падеж. Несмотря на то, что семантический объем удмуртского аллатива шире: он вмещает значения двух коми падежей аллатива и конзекутива, система значений, основные линии развития данного падежа сложились уже в прапермский период. Чтобы установить генезис значений, определить системные отношения во внутренней структуре каждого отдельного падежа, необходимо знать или определить его исторически первичное значение, ибо исходные признаки определяют развитие вторичных значений, причем последние нередко возникают через средние промежуточные звенья (Шелякин 1983:43).

2. Придерживаясь точки зрения Е. С. Гуляева (1961:232), К. Хяккинен (Häkkinen 1983:76), Р. Бейкера (Baker 1985: 144—153) и других исследователей, считаем, что исторически первичным значением аллатива, как и других *л*-овых падежей было выражение локальных отношений, несмотря на то, что современный адессив, аблатив и аллатив в литературных языках, особенно в коми, меньше в удмуртском, употребляются для выражения посессивности. Свое пространственное значение аллатив реализует довольно редко: оно не нашло отражения в нормативных грамматиках, лишь в работах Ф. Видеманна (Wiedemann 1884:117) и А. И. Емельянова (1927: 139—140) отмечается его наличие в удмуртском языке. В современном коми языке функционирование аллатива места ограничивается уд., сыс., иж., лл., вым. диалектами, в литературном языке сохраняется в конструкциях с послелогом *паныд, воча* «против».

3. На основе семантической структуры аллатива и зафиксированных примеров можно констатировать, что в прапермском языке аллатив функционировал как внешнеместный падеж, первоначальным значением которого было указание на предмет, являющийся пунктом направленности для другого предмета с оттенком целенаправленности, в отличие от современного аппроксиматива. В зависимости от характера пункта направленности выделялись: аллатив поверхности и аллатив внешней границы предмета.

3.1. Аллатив 1-ого типа обозначает предмет поверхностного соприкосновения с другим предметом. Значение реализуется при глаголах движения, потенциально предполагающее соприкосновение. Зафиксирован в удмуртском языке лъсву *ӱз ӱс'ъ*, пужмэр *уз ӱс' багътэнъз турнам туръмль* (Емельянов 1927: 139) «ни вода, ни иней не упадут на скошенную вовремя траву», *тӧд'ы кис'пууы пус пони* (Емельянов 1927:139) «Тамгу я положил на белую березу». В коми языке данное значение выражается преимущественно послеложной конструкцией с *вылӧ* «на», иногда иллативом: *усис пызан вылӧ*, но *джоджӧ* «упал на стол», но «на пол». Такая же картина наблюдается и в современном удмуртском языке. В коми-пермяцком языке в процессе трансформации серийных послелогов с основой на *выл-* в падежные окончания происходит совпадение окончаний дательного-направительного и внешнеместно-вступительного падежей (Баталова 1975:131), что в некоторой мере затрудняет дифференциацию пространственных значений каждого из них.

Функционально-семантическим соответствием данному типу значения в прибалтийско-финских языках является аллатив поверхности, который продуктивен во всех языках, за исключением ливского, где употребляется лишь в немногих словах (Паюсалу 1958:9): фин. (торн.) *se sattukin putomhaan hänen käistänsä laattialle* «это случайно упало из его рук на пол», эст. *yetsin rät'tikku eladele* «набросил платок на плечи».

3.2. Внешнеместный аллатив 2-ого типа указывает границу предмета, в сторону которого направлено действие.

В самостоятельном употреблении зафиксирован в удм. языке: *badzim pojjosly mupysa veram* (Wiedemann 1884:117) «er ging zu den Hohenpriestern und sagte», а также в отдельных диалектах коми языка: сьс. *vid'zedam da mijanli lokteni kibišjas že* (Wichmann 1916:127) «Wir schauen aus, und auf uns zu kommen ebenfalls fischstecher'».

В данной позиции аллатив функционально соответствует послеложным конструкциям с коми *дорӧ, дінӧ «к»,* удм. *доры «к»:* к. *мунны ньывпу дорӧ,* удм. *ньылпу доры мыныны «идти к пихте»* и обнаруживает семантическое отличие от современного аппроксиматива выражением значения предмета пространственного приближения или достижения близости в пространстве, причем предмет является целью движения, тогда как при аппроксимативной словоформе выступает только как ориентир движения. Пространственное значение 2-ого типа реализуется также в конструкциях с послелогоми к. *паныд, воча,* удм. *пумит,* кп. *паныт «против, напротив».* В зависимости от лексико-семантической характеристики глагола, в позиции с которым он выступает, можно выделить две разновидности данного значения: 1) при динамических глаголах аллатив служит для обозначения предмета, являющегося пунктом направленности другого предмета: *мунны сылы паныд «идти ему навстречу».* Инновацией современного коми языка следует считать появление в данных конструкциях аппроксиматива, что легко объяснимо общим характером выражаемых рассматриваемыми падежами значений: предмета пространственной направленности. Однако это довольно редкое явление, еще непрочное вошло в разговорный и письменный язык. Котӧртӧны кокъясӧй Асьныс тэлань паныд (ВК 1983:8—29) «Бегут мои ноги Сами к тебе навстречу». 2) при статичных глаголах конструкция содержит указание на направленность к предмету, находящемуся на переднем плане, функционально соответствует аппроксимативу направленного расположения, ср.: к. *сулавны сылы паныд* удм. *солы пумит сылыны «стоять ему напротив»* и кп. *водны горлань мышкӧн «лечь спиной к печке»* (КПС:262).

4. Данный тип аллатива также находит соответствие в прибалтийско-финских языках: эст. *tale vastu minema «идти к нему навстречу»,* фин. (выб.) *kissä män viilputylle syömää sita viilii «кошка подошла к кадке (букв.: на кадку) с молоком поесть этой простокваши»* (Паюсалу 1958:11).

5. Пространственное значение аллатива не ограничивается выражением внешнеместных значений, оно нередко проявляет оттенок общеместного характера, где по логике вещей необходим внутриместный падеж. Данный тип аллатива зафиксирован в отдельных диалектах коми языка, при этом отмечается ограниченность его дистрибуции: в сферу его сочетаемости входят одушевленные имена существительные и личные местоимения-репрезентанты, что позволяет говорить о соотношенности локума с лицом, т. е. имеется ввиду выражение места че-

рез посессора. В зависимости от лексического наполнения позиционного глагола можно выделить две разновидности выражаемого значения:

1) указание на объект, вовнутрь которого направлено движение предмета. Проявляется при динамических глаголах движения типа **мунны** «идти», **локны** «прийти», **волены** «приходить», **ветлыны** «сходить» и др. сыс.: **sili vetla 'ich gehe (zu) ihm hin'**; вым. ...**aikali** oz mun '...zum Schwiegervater geht er nicht', лет. **sile med mōrt laktis 'zu ihm kam ein anderer Mann'** (Fokos-Fuchs 1959: 549, 893). Т. И. Жилина отмечает функционально-семантическую близость данного типа аллатива с иллативом и послеложными конструкциями с **ордö** в литературном языке (Жилина 1985:45): **Мортлö** (ср. морт **ордö** скр.) он пустö кийн мун Пр. «К человеку с пустыми руками не пойдешь». Сюда же следует отнести зафиксированную А. И. Емельяновым конструкцию **урам куз'а вэтлон с'амэн кунолы пырим «Гуляя по улице, мы в гости зашли»** (Емельянов 1927:140);

2) указание на местонахождение предмета в пределах локума. Реализуется при статичных глаголах нахождения, размещения: лет. **Мамыслö** оз и уз'лы пöчыс динын уз'лö Гур. «У матери даже не ночует, у бабушки ночует»; **Соччасыслö гöститис** Лет. «Она гостила у сестер» (Жилина 1985:45). Употребление лативных конструкций в значении «место, где» объясняется древними синтаксическими особенностями финно-угорского праязыка (Основы 1974:390).

Аллатив в общеместном значении функционирует также во всех прибалтийско-финских языках (Паюсалу 1958:11—12): эст. (сев.) **emà piDi minema eDeDelle, vist koerü eèle** «мать должна была пойти к сестрам (в гости), кажется, к сестре, (живущей) в Коэру»; фин. (хям.) **tum meille, miä laitam mäm-mi** «приходи к нам (домой), я сварю кашу из ржаной муки».

6. Для объяснения употребления исторически внешнеместного аллатива в значении общеместного характера, видимо, можно принять трактовку М. А. Шелякина, предложенную для конструкций типа «он приехал к нему», где наличие дательного падежа, первоначально внешнеместного, в значении объекта, вовнутрь которого направлено движение предмета, объясняется метафористическим переносом обозначения обладателя на обозначение объекта обладания, ср.: он вошел ко мне в комнату, где дательный падеж указывает на посессивные отношения с оттенком целевого назначения, направленности действия (Шелякин 1983:47, 54).

Конструкции подобного типа встречаются как в пермских, так и в прибалтийско-финских языках: иж. Кор-н'икор Каин сарлы сарствоас воас «Через какое-то время прибыл к царю Каину в его царство» (ИД:48), вод. *i me'ni x'e'r'alè kuhnisè e'xtegõn* '...und ging am Abend in die Küche des Herrn (zum Herrn)' (Szabó 1981:48), где аллатив на синхронном уровне проявляет значение смежной принадлежности, в указанных примерах принадлежность определенного помещения его обладателю, посессору. «Wenn man «zur Küche des Herrn» geht, könnte man eigentlich auch «zum Herrn in die Küche» gehen. In solchen situation ist es gar nicht sicher, das der Herr sich in der Küche befindet. Aber es ist aus der ganzen Erzählung im Falle des folgenden Satzes klar, das die Küche dem Herrn gehört» (Szabó 1981:48).

Наличие оттенка целевого назначения в выражении посесивных отношений аллативом позволяет утверждать, что данное значение основывается на исходном первичном значении направленности действия (ср. 3.2.) Отсюда вытекает, что общеместное значение аллатива является вторичным по отношению к внешеместному. Некоторым подтверждением этому является система значений вторичного происхождения, базирующаяся на внешеместных отношениях. Прежде всего укажем на значение адресата, которое можно интерпретировать как «объект, на сближение, контакт с которым активно направлен другой предмет и который является потенциальным получателем», т. е. в основе значения адресата лежит определенное пространственное представление о движении объектов по отношению друг к другу (Шелякин 1983:44).

7. Выделенные случаи сохранения аллатива места в пермских языках обнаруживают соответствие в прибалтийско-финских языках, что может быть предположением о наличии сходной первоначальной семантики данных падежей, исходные признаки которых предопределили развитие вторичных значений в процессе эволюции конкретных падежей в грамматические. Однако в настоящее время аллативы рассматриваемых языков проявляют разную степень грамматикализации падежной семантики, что заключается в употреблении пермского аллатива в значениях вторичного происхождения, в то время как его пространственное значение, в отличие от прибалтийско-фин., выступает только как реликтовое и диалектное явление.

СОКРАЩЕНИЯ

вод.—водский язык, к.—коми-зырянский язык, его диалекты: вым.—вымский, иж.—ижемский, лет.—летский, лл.—лузско-летский, скр.—при-сыктывкарский, сыс.—сысольский, уд.—удорский, Гур.—с. Гурьевка, Лет.—с. Летка, Пр.—с. Прокопьевка; кп.—коми-пермяцкий язык, приб.-фин.—прибалтийско-финские языки, удм.—удмуртский язык, фин.—финский язык, его диалекты: выб.—выборгские, торн.—торниоские, хям.—хямеские; эст.—эстонский язык, сев.—северный диалект эст. ВК — журнал «Войвыв кодзув» (Сыктывкар), ИД — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; КПС — Коми-пермяцко-русский словарь, Москва 1985; Основы 1974 — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва.